

ПРАЗДНИК «С ПРАВИЛЬНЫМ ПОСЫЛОМ»: формирование германской идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817 г.)¹

А.А. Мойса

Аннотация. В статье анализируется рецепция Реформации в 1817 г., в год празднования её 300-летнего юбилея. Опираясь на достижения *memory studies*, автор рассматривает юбилейное торжество как способ конструирования общей исторической памяти Германии. Подбор источников, взятых за основу исследования, учитывает конфликт интерпретаций праздника, развернувшийся в публичной сфере: проанализированы распоряжения об организации торжественных мероприятий и отчёты об их проведении в католических и протестантских землях, задокументированные юбилейные речи буршей в Вартбурге; публикации отдельных лиц, не принадлежащих к протестантской конфессии; надрегиональные и локальные нарративы; академические речи и церковные проповеди. Дополнительно привлечены источники личного происхождения, подтверждающие прецеденты сознательного проектирования памятных дат с целью преодолеть социальные расколы. Анализ текстов выявляет общие паттерны, закладывающие базис для формирования национального самосознания, которое постепенно вытесняет профессиональную идентичность. Просматривается этот процесс и на примере трансформации образа Мартина Лютера, который из религиозного деятеля превращается в национального героя, помещённого в один ряд с победителями Битвы народов и легендарным Арминием. Таким образом, изучение примеров подобного конструирования позволяет уточнить специфику идеологической консолидации немецкой нации, характерной для первой половины XIX века.

Ключевые слова: Германский союз, юбилей германской Реформации, праздник в Вартбурге, Мартин Лютер, национальная идентичность, историческая память.

Для цитирования: Мойса А.А. Праздник «с правильным посылом»: формирование германской идентичности в рамках празднования 300-летнего юбилея Реформации (1817 г.) // Преподаватель XXI век. 2023. № 2. Часть 2. С. 231–244. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-231-244

231

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Германские подданные на территории Российской империи в годы Первой мировой войны: локальное, персональное, социальное» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

A CELEBRATION "WITH THE RIGHT MESSAGE":

The Formation of German Identity on the 300th Anniversary of the Reformation (1817)

A.A. Moisa

Abstract. *The article analyzes the reception of the Reformation in 1817, the year of its 300th anniversary celebration. Based on the achievements of memory studies, the author considers the jubilee celebration as a way of constructing the general historical memory of Germany. The selection of sources taken as the basis of the study takes into account the conflict of interpretations of the holiday, which has developed in the public sphere. This includes the analysis of orders on the organization of celebrations and reports on their holding in Catholic and Protestant states, documented anniversary speeches of the Bursches in Wartburg, publications of individuals not belonging to Protestant denominations, supra-regional and local narratives, academic speeches and church sermons. Additional sources of personal origin have been drawn upon, confirming precedents of the conscious design of commemorative dates in order to bridge social divides. The analysis of the texts reveals common patterns, laying the basis for the formation of national consciousness, which gradually displaces confessional identity. This process can also be seen in the transformation of the image of Martin Luther, who from a religious figure turns into a national hero, placed on a par with the winners of the Battle of Nations and the legendary Arminius. Thus, the study of examples of such construction makes it possible to clarify the specificity of the ideological consolidation of the German nation, characteristic for the first half of the 19th century.*

Keywords: *German Confederation, German Reformation's anniversary, Wartburg festival, Martin Luther, national identity, historical memory.*

Cite as: Moisa A.A. A Celebration "With the Right Message": The Formation of German Identity on the 300th Anniversary of the Reformation (1817). *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2023, No. 2, part 2, pp. 231–244. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-2-231-244

Боюсь только, что всеми этими стараниями дело [Реформации] станет столь ясным, что фигуры утратят свой поэтический, мифологический облик. Ведь, между нами говоря, во всём этом нет ничего интересного, кроме характера Лютера, и это вообще единственное, что импонирует толпе.

Gёте

Такими опасениями И.В. фон Гёте делился в личной переписке [1, с. 229] в августе 1817 г. всего за два месяца до празднования 300-летнего юбилея со дня легендарного прибития тезисов. Сетую на «старания», писатель ссылался на «сотни сочинений», которыми «досаждающие» священники и учителя жаждали «восславить Реформацию». Столь необдуманная популяризация казалась ему губительной, в

связи с чем Гёте предлагал взять ситуацию под контроль, пока идеологический потенциал события не был окончательно утерян.

Наблюдаемая инструментализация истории представляет собой распространённый кейс в практике исследователей памяти. Хотя И.В. фон Гёте и признаётся, что сама Реформация ему не слишком интересна, он, как и многие его современники, активно разрабатывает проекты для её

празднования и ищет «верную» интерпретацию, продуктивную для его эпохи. Таким образом, данный случай демонстрирует не только переосмысление исторического прошлого, но и сознательное конструирование по запросам настоящего.

Согласно Л.П. Репиной, историческим мифам, распространяемым в публичной сфере, свойственно закладывать основы национального самосознания [2, с. 15]. Однако, выдвигая предположение, что юбилей Реформации 1817 г. оказал влияние на самоопределение немцев, необходимо учитывать специфику восприятия национальных идей в Германском союзе в данный период.

Исследователи по-разному оценивают их популярность. Так, С. Бергер [3, с. 21], пытаясь обнаружить истоки германской идентичности, отмечает, что идея единой культурной нации, функционирующей несмотря на территориальную раздробленность, появилась ещё в XVIII в., но доминировать национальная традиция начала лишь с середины XIX столетия. С другой стороны, О. Данн, подробно разбирая эволюцию национальных идей, доказывает, что подъём немецкого патриотизма бы вызван ещё антинаполеоновским движением. Даже после 1815 г., когда политические силы Германского союза сфокусировались на внутренних проблемах и начали склоняться к мелкомасштабной государственности, национальный импульс не угас и привел к организации тематических мероприятий, имевших цель сплотить сторонников единого национального государства [4, с. 96–98].

Кроме того, консолидирующие интенции проявляли себя как в научной, так и в культурной сфере. Н.В. Ростиславлева отмечает, что немецкие историки первой половины XIX в. объединялись, чтобы собирать и публиковать документы, на основе которых и формировалось

представление об общей истории Германии [5, с. 138]. Исследователи немецкого Бидермайера (Р. Крюгер [6], Х. Оттомайер [7] и др.) также разделяют мнение, что эпохе было свойственно обращение к идеализированному прошлому, которое и ложилось в основу конструируемых национальных ценностей.

Однако юбилей Реформации в данном контексте затрагивается достаточно редко. Если сам М. Лютер, проходя сквозь призму национальных нарративов, ещё привлекает исследователей «германского мифа» (к примеру, О.В. Заиченко выявляет преемственность лютеровских концептов «борьбы с Римом» или «превосходства немецкого языка» в текстах И.Г. Фихте, Э.М. Арндта и др. [8, с. 382]), то сами праздники в его честь в основном изучаются историками церкви в связи с секуляризацией его теологического наследия в XIX в. К примеру, можно выделить статью В. Мединга «Юбилей без веры?» [9], в которой с помощью анализа дискурсов выявляется политическая ангажированность праздника. Примечательна и статья Д. Вендебург, рассматривающая различные юбилейные проекты и заключающая, что вплоть до Лютертага 1883 г. «синтез между Лютером и германством, протестантизмом и немецкой нацией, за исключением Вартбургского праздника буршей в 1817 г., не играл никакой роли» [10, с. 305]. Однако существует и иная точка зрения. Так, в статье А. Лексутт утверждается, что преодоление конфессиональных разобщений, ставшее лозунгом юбилея 1817 г., было продуманным шагом светской власти на пути к «национальному единению» [11, с. 187].

Чтобы занять позицию в данной дискуссии, автор статьи предлагает взять немного иной ракурс и сосредоточиться на консолидирующей и идентифицирующей риторике юбилейных текстов 1817 г.

Столь пристальное внимание к юбилеям не случайно: исследователи коммеморативных практик сходятся во мнении, что праздники оказывают значительное влияние на историческое сознание социума [2, с. 30]. Воскрешая в памяти «обосновывающее прошлое», торжественные мероприятия закладывают и базис «идентичности вспоминающей группы» [12, с. 55]. К тому же нельзя не отметить их эффективность в массовом распространении «знания, закрепляющего идентичность» [там же, с. 60].

Однако, как уже упоминалось выше, единства в определении «посыла» юбилея 1817 г. не наблюдалось: праздник стал полем столкновения мнемонических акторов [13], каждый из которых пытался закрепить свою версию «памяти» о Реформации. Выборка источников учитывает данный конфликт. Так, в основу исследования легли указы официальных властей, выступления бursы в Вартбурге, публикации лиц, не принадлежащих к протестантской конфессии, надрегиональные и локальные нарративы и т. д. Репрезентативность источниковой базы позволит не только выявить общие черты, характерные юбилейным нарративам 1817 г., но и определит, в каких кругах национальные идеи находили более яркое отражение.

Чтобы подтвердить предположение, что коллективная идентичность, транслируемая в ходе 300-летней годовщины Реформации, утратила сугубо конфессиональный характер, отметим основные признаки национальных нарративов. Исследователи обычно выделяют несколько шаблонов: централизацию мира вокруг одной нации, подчёркивание уникальности её опыта [14], героический образ «своих» и негативный образ «другого», фокус на общих ценностях (традиция, культуре, языке), преемственность между

славным прошлым и текущим настоящим (может использоваться как для легитимации существующего порядка, так и для ностальгии по утраченному) [8, с. 352–353]. Иначе говоря, если в рассматриваемых источниках прослеживаются приёмы, запускающие процесс национальной самоидентификации, можно говорить, что юбилей 1817 г. внёс свою лепту в развитие германской идентичности.

Итак, XIX век воистину можно назвать столетием юбилеев: ещё никогда круглые даты различных оснований и изобретений, переломных событий и побед, дней рождений и дней смерти не отмечались с такой завидной регулярностью. Подобная тенденция была характерна большинству европейских стран, которые, едва оправившись от военных и революционных потрясений в начале века, стремились сплотить своих граждан и напомнить им о славном прошлом. Исключением не стал и Германский союз: будучи единым государством лишь на карте, он остро нуждался в консолидирующей идеологии [10, с. 271].

Среди многочисленных юбилеев, проведённых в германских землях, праздник Реформации занимал отнюдь не последнее место. Если в 1617 г. он отмечался лишь в рамках Евангелической унии, то в 1817 г. хронисты с гордостью заявляли, что теперь виттенбергский подвиг воспевают во всех частях света: «и в Петербурге, и в Филадельфии» [15, с. 7]. Бросается в глаза и обилие найденных поводов, чтобы вновь и вновь возвращаться к памяти о религиозных преобразованиях XVI в. Так, борьба Мартина Лютера была разбита сразу на несколько ключевых эпизодов, каждый из которых — будь то прибитие тезисов, сожжение папской буллы или Вормский рейхстаг — получил свою почётную отметку в календаре [10, с. 272].

Не менее красноречиво о популярности обращения к прошлому свидетельствует обилие публикаций, приуроченных к празднованиям. «Мои ожидания были не то чтобы удовлетворены, они были значительно превышены», — отмечал К.Ф. Михаеллес, составитель первого «наиболее полного» перечня «Литературы трёхсотлетнего юбилея Реформации» [16, с. 3]. В этом собрании упоминалось более 600 работ, опубликованных в самых разных уголках Германского союза. Примечательно, что в список были включены как сочинения, славящие Реформацию, так и труды, выступающие с её критикой.

К.Ф. Михаеллес намеренно не скрывает развернувшуюся «войну перьев» [там же, с. 4], считая её дополнительным свидетельством неравнодушия его современников. Однако рецепция Реформации отнюдь не ограничивалась её положительной или отрицательной коннотацией. В первую очередь споры велись о посыле самого празднования, об идеях, которое оно должно распространить.

Несмотря на то, что консолидирующий мотив красной нитью проходит сквозь праздничные тексты (автор даже выделяет отдельную рубрику для “Vereinigungsschriften”), в отобранной литературе речь идёт, прежде всего, о конфессиональном «единении», будь то непосредственное объединение лютеранской и реформаторской церкви или же примирение между католиками и протестантами. Тем не менее, даже когда национальное сплочение не постулируется в заголовках, в риторике авторов, раскрывающих значение Реформации, то и дело встречаются слова «Германия», «Отечество» и «свобода».

Чтобы определить, какие смыслы вкладывались в эти понятия, необходимо рассмотреть их употребление в самых разных контекстах. Начнём «сверху»: представители официальной власти

имели преимущество перед другими инициативными группами, ведь именно их распоряжения утверждали торжества и задавали тон их проведения. Впервые Реформация отмечалась не только протестантскими князьями: организация праздника в исконно католических землях требовала особой подготовки. Так, в королевском указе Баварии протестантским подданным были даны настоятельные рекомендации: провести праздник «в мире и любви», не допуская чего-либо, что могло бы «помешать или навредить другим религиозным собратьям» [15, с. 101].

Однако беглый взгляд на акты других государств Германского союза позволяет заметить, что примиряющие наставления были характерны и в обратной ситуации. К примеру, Королевство Вюртемберг, в котором исторически преобладал протестантизм, также подчёркивало, что «ни в коем случае нельзя злоупотреблять проводимым торжеством Реформации для возможного обострения и ожесточения отношений с теми, кто думает иначе» [там же, с. 512]. Ведь провокации во время праздников шли вразрез с «гуманностью эпохи», «основами религии» и «существующим политическим порядком» [там же].

Практическое объяснение подобным предостережениям довольно легко предположить. В начале века за Баварией закрепились земли с протестантским населением, в то время как Вюртемберг расширился за счёт католиков. Таким образом, официальный нарратив должен был учитывать этот фактор и не занимать какую-либо из сторон, всячески предостерегая многоконфессиональных подданных от конфликтов.

Подтверждают эту гипотезу и отчёты о проведении мероприятий в разных городах Баварии. Так, в Аугсбурге «католические жители доказали, что почитают

религиозные практики своих протестантских братьев», помогая им с украшением церкви, а в Герсфельде Реформация и вовсе была названа «праздником братского сближения между двумя конфессиями». В целом акцент делался на энтузиазм, с которым обе стороны встретили юбилей благодаря «либеральным взглядам королевского правительства Баварии» [там же, с. 107].

Несмотря на то, что приведённые тексты, воспевая гармонию внутри отдельных государств Германского союза, не апеллировали к общей немецкой идее, они всё же оказали довольно весомое влияние на развитие национального нарратива. Так как образ католика-брата, конфликт с которым давно исчерпал себя, поддерживался даже на правительственном уровне, протестантским писателям пришлось вновь задуматься о сущности зла, с которым боролся М. Лютер. Таким образом, уже не злостный католик, а «папист», римлянин, чужой, покушающийся на независимость Отечества человек, занял эту нишу.

Переосмысление образа врага наиболее заметно в публицистике, однако его проявление можно обнаружить и в отчёте о проведении юбилея в Кёнигсберге. В нём обретение духовной свободы позиционируется как предтеча свободы политической: если «300 лет назад Германия впервые могучей рукой сбросила с себя гнетущие оковы суеверий и фанатизма», то совсем недавно, «опередив все народы», она «избавилась от политического ига» [там же, с. 317]. Так, в национальном пафосе прусского нарратива нет места конфликтам между конфессиями, а страна едина в своей борьбе против посягательств на её автономию.

Примечательно, что в данном источнике образ гомогенной Германии существует как в прошлом, так в настоящем и в

будущем. Подчёркивается, что, празднуя Реформацию, «Отечество» должно стать примером «для других наций», а описание мероприятий, «проходивших в каждом немецком городе», необходимо сохранить в архивах всех «немецких князей» для «будущих историков». При этом рисуемая Родина не является синонимом Пруссии, речь в честь «дружелюбной дочери Германии» начинается лишь после того, как автор подчёркивает важность хроники об общем празднике, которая может оказаться полезнее «некоторых дипломатических актов» [там же].

Национальный мотив не удивителен в речи одного из гегемонов Германского союза, считавшего объединение страны своей священной миссией [3, с. 22]. Однако его вариацию можно увидеть, обратившись к источникам, оппозиционным официальным директивам. Сплотившись в «общем стремлении образовать народ» [17, с. 96], на праздничную трибуну вошла бурса, имевшая свои виды на будущее Германии.

18 октября 1817 г. около 400 студентов из 11 немецких университетов собрались в замке Вартбург [18, с. 272]. Место было выбрано вовсе не случайно: именно здесь, скрываясь от своих преследователей в 1521–1522 гг., М. Лютер осуществил перевод Священного Писания на немецкий язык. Согласно тексту приглашений встреча в столь символическом месте имела три повода: отпраздновать юбилей Реформации, битву под Лейпцигом и первую дружескую встречу немецкого студенчества [17, с. 92].

Поставленный в один ряд с героями Битвы народов образ М. Лютера получал подобающую интерпретацию: освободитель немецкого духа. Религиозный аспект Реформации уже не был важен: «Ein feste Burg ist unser Gott» из протестантского гимна превращалась в боевую

патриотическую песню, которую подхватывали и католики [19, с. 5]; обеими конфессиями был представлен и состав Вартбургских ораторов [18, с. 273]. Даже в речи Г.Г. Риманна, протестанта и теолога по специализации, акцент делался на то, что «Вера Божья, чистоту которой вернул нам Лютер» является истинной, «только если она укоренена в родной почве, если она находит в Отечестве применение, в сфере гражданской деятельности и в дальнейшем в домашней жизни» [17, с. 106].

Критикуя космополитизм [там же, с. 123], бурши в своих выступлениях стремились подчеркнуть заслуги реформатора перед нацией. Переведя Писание, «немецкий Лютер» открыл «бесконечно богатые сокровища» своего языка [там же, с. 109], его деятельность «пробудила» немцев, позволила им обрести свою самобытность. Категорически отрицается и точка зрения, что Реформация лишь усугубила раздробленность Германии: «Не упрекайте его [Лютера], будто бы он стал причиной раздора и разобщенности своего народа; в том виноваты лишь его противники» [там же, с. 106].

В целом Вартбургский Лютер не противоречил образу Лютера-просветителя характерному большинству юбилейных текстов, но идеологический упор делался на свободу мысли, на его борьбу с несправедливостью, грозившую обрушиться на Отечество вновь. При этом в программе буршей чётко прописывалось, что под последним они отказываются подразумевать «земельки, в которых родились», только «Германия» могла считаться их «Отчиной» [4, с. 99]. Показательно и то, что ключевым символом Реформации для них стал не акт прибития тезисов, а сожжение папской буллы. Подражая кумиру, обратившему оковы Родины в пепел, студенты бросили в костёр «инструменты

и памятники древнего немецкого порабощения» [20, с. 158]: прусский уланский корсет и австрийскую палку капрала. Так выразилось их отношение к курсу неоабсолютизма [4, с. 99].

Преданы огню были и книги, которые с точки зрения буршей поддерживали пагубные для Германии идеи. Среди сожженной литературы оказалась и «Германомания» [21] публициста Саула Ашера. Будучи сторонником реформистского иудаизма, С. Ашер считал, что образ М. Лютера должен служить символом Просвещения, религиозной терпимости, положительного обновления «христианской религиозности» [10, с. 325]. В связи с этим в «Германомании» он активно критиковал националистичные взгляды И.Г. Фихте, Э.М. Арндта и пр., из-за которых «христианство и германство сливались воедино» [21, с. 15].

Узнав, что протест против «германизации» Реформации обрёл его сочинение на костёр, С. Ашер не тянул с ответом. Уже в 1818 г. он публикует новую работу под названием «Вартбургский праздник. Относительно политической и религиозной ситуации Германии». Данный труд примечателен не только тем, что наглядно демонстрирует конфликт юбилейных нарративов, но и тем, что вновь подтверждает процесс сознательного конструирования национальной идеи, который не остаётся незамеченным представителем «извне».

Итак, в своей работе С. Ашер заявлял, что Вартбургский праздник идёт вразрез со всеми заповедями Реформации: «Не дух Лютера парит над этими его прославителями» [22, с. 33]. Основная мысль его критики сводилась к тому, что студенты заключили идеи протестантизма в национальные рамки, сделав из него «истинно немецкую веру», распределяющую права разума и свободы лишь среди немцев [там же, с. 18]. Признавая величие

М. Лютера, С. Ашер всячески порицает его «германизацию», отнимающую его у остального человечества, так он обвиняет бурсу в бесцеремонном использовании образа реформатора для сплочения протестантской Германии [там же, с. 4].

В национализации Реформации Вартбургский праздник был заподозрен ещё современниками, однако можно ли, придерживаясь тезиса Д. Вендебург, назвать его единственным исключением, поставившим знак равенства между М. Лютером и «всем немецким»? Возможно, иные примеры выражают эту позицию чуть менее ярко, однако характерные черты национальных нарративов проявляются и в других текстах, приуроченных к 1817 г.

Показательной тенденцией становится прогрессирующая персонализация Реформации. Так, «Литература трёхсотлетнего юбилея Реформации» [15] отводит отдельное место уже не только жизнеописаниям М. Лютера, но и биографиям его сподвижников. Внимание авторов всё чаще привлекают подвиги У. фон Гуттена, «освободителя своего Отечества» [23, с. 77], или труды Ф. Меланхтона, отличавшегося «немецкой любовью к свободе» [24, с. 43]. Именно эти тексты помогают конструировать образы национальных героев, образцов для подражания, близких всем слоям населения.

Важно отметить, что, чувствуя Реформацию, авторы не только расширяли её пантеон, включая сторонников М. Лютера, но и старались углубить его истоки. К примеру, А. Мозер в работе «Лютер или история Реформации» пытается показать, что М. Лютер далеко не первый человек, запустивший процесс «освобождения». Так, среди предшественников упоминаются И. Гутенберг, И. Рейхлин и многие другие. Примечательно, что после каждого имени автор добавляет фразу «тоже немец» [там же, с. 8].

Ещё дальше идет в своей работе А.Т. Эффнер «Д-р Мартин Лютер и его современники», в которой виттенбергский богослов и вовсе становится преемником легендарного Германа/Арминия [25, с. 8]: оба боролись с «гордым Римом и его разбойниками», оба «освободили Родину от оков» [там же, с. 9]. Типичная для национальных нарративов параллель [8, с. 382] подкрепляется и образом врага, из-за которого целые народы «стали невосприимчивы к таким словам, как Отечество, национальная слава, религия» [там же, с. 3]. Таким образом, под обретением свободы в результате Реформации подразумевается не только свобода духовная, но и национальная.

Хотя А.Т. Эффнеру важно отметить масштабность подвига М. Лютера (он спас не только свою Родину, но и всё человечество), сам образ богослова привязан к родной земле. Автор активно подчёркивает его «немецкость», обращаясь к нему не иначе как к «гению Германии» [там же, с. 4], «достоинейшему гражданину Германского Отечества» [там же, с. 5], «великому немецкому человеку» [там же, с. 11]. «Такого свободного благородного человека, как М. Лютер, миру не подарила ни одна нация» [там же, с. 12], — пафос заключительной фразы только усиливает релевантность национального аспекта.

В сочинении Г.Х. Кейзера с говорящим названием «Как нам наидостойнее отметить Лютера и Реформацию в день основания последней?» [26] черты просветителя и национального героя тоже сливаются воедино. Автор, знаменитый своими работами по истории и культуре Баварии, подчёркивает, что виттенбергский богослов, «если кратко его охарактеризовать», являл собой «образец немецкой силы» [там же, с. 6], вёл праведную «немецкую жизнь», потому и стал

«немецким героем как своего времени, так и времени его потомков» [там же, с. 11]. Дстойное же празднование Реформации, согласно Г.Х. Кейзеру, заключается в сохранении и распространении «основ наших предков» [там же, с. 26]. На этом примере вновь прослеживается выстраивание гомогенного прошлого Германии, в которой предки разделяют общие ценности даже с учётом того, что в XIX в. Реформация официально отмечалась в Баварии впервые [10, с. 278].

Можно было бы предположить, что конструирование общей идентичности преследовало сугубо практическую цель: расширение читательской аудитории, не сводящейся к населению одной из земель. Однако и в речах, произнесённых в узких кругах, было место национальному пафосу. Чтобы в этом убедиться, обратимся к локальным нарративам, на примере которых можно проследить рецепцию Реформации как в церковной, так и академической сфере.

Проповедь, прочитанная в объединённой евангелической церкви Маинца, показывает, что и в церковных стенах витал дух патриотизма. Он проявляется в одушевлении Германии («матери и кормилицы стольких великих и славных людей» [27, с. 23]) и её воспевании за то, что «среди тысяч и тысяч творений» божественный выбор пал именно на её сына. Мотив избранности превращает реформатора в символ немецкой добродетели, делая его имя нарицательным: оратор искренне надеется, что «в их Отечестве ещё родится второй Лютер» [там же, с. 24].

Куда более приземлённый образ рисует профессор теологии и философии Г.Е.Г. Паулус, выступая 31 октября перед студентами Гейдельбергского университета. Уже своим заголовком его речь выдавала фокус на локальной истории: «И в Гейдельберге бывал доктор Мартин

Лютер» [28]. Повествуя о Гейдельбергском диспуте 1518 г., после участия в котором богослов выпустил новые тезисы, Г.Е.Г. Паулус не только закрепляет за своим городом место памяти, но и стремится вписать его в закономерный процесс развития Реформации, которая не заканчивается октябрём 1517 г. Таким образом, успех М. Лютера не привязывается к границам какой-либо земли, а изображается «электрической искрой, пронёсшейся через всю Германию» [там же, с. 14].

Мотив преемственности и эволюции не только задавал интерпретацию самой Реформации, но и пробуждал интерес к её прошлым юбилеям. В целом авторы сходились во мнении, что праздник 1817 г. отличается от предыдущих. Если одним важно было отстоять его неутраченную духовность, которая теперь просто шла в ногу с прогрессом (примирение с католиками как признак «улучшения церкви») [15, с. 16], то другие не боялись синтезировать духовные и патриотические аспекты. Так, для В.К. Файллодтера, написавшего историю юбилея XVII в., предстоящий юбилей, который «горячо ждут все немцы», должен был стать «религиозным национальным праздником Германии» [29, с. 6].

В этой же работе высказывались надежды, что «благочестивый дух, который так достойно выразился в праздновании победы 18 октября» [там же, с. 7], проявится и в мероприятиях в честь юбилея. «Общая хроника третьего юбилея» тоже упоминала «праздник победы» и «волнение», которое он оставил за собой Реформации [15, с. 16]. Учитывая, что годовщина Лейпцигской битвы была праздником, организованным немецкими патриотами с целью популяризации национальных идей [4, с. 98–99], проводимая преемственность вновь подтверждает, что на торжество М. Лютера теперь возлагались

новые, нехарактерные для прошлых религиозных юбилеев, задачи.

«Если мы чествуем Лютера, то должны это делать с правильным посылом» [30, с. 237], — настаивал в своей корреспонденции И.В. фон Гёте, кропотливо работавший над эскизами памятника реформатору. Как и буршам, великому поэту импонировала мысль отпраздновать юбилей 18 октября, объединив его с победоносным завершением Битвы народов. Таким образом, создание актуального мифа ставилось куда выше традиционного триумфа протестантизма.

Подводя итоги, можно заключить, что консолидация общества, проводимая в рамках 300-летнего юбилея Реформации, не могла больше ограничиваться конфессиональной идентичностью. Чтобы избежать религиозных конфликтов, с приобретением новых территорий многие государства Германского союза начали придерживаться политики многоконфессиональности, в связи с чем на официальном уровне даже праздник в честь учения М. Лютера стирал грань между католиками и протестантами, объединяя их общим делом — «улучшением церкви».

Однако не все интерпретации юбилея довольствовались вытеснением конфессиональной идентичности: в некоторых случаях её активно подменяет идентичность национальная. Признаки её

конструирования проявляются в сравнении с праздником в честь национального освобождения, в создании пантеона национальных героев, обладателей черт национального характера, в проведении линий преемственности, уходящих корнями в славное прошлое, и т. д. К гомогенному образу Германии начинают апеллировать группы даже с абсолютно противоположными интересами: если в пафосе одного нарратива этот образ служит для легитимации консолидирующих интенций Пруссии, то в другом — это призыв для сплочения бурсы, находящейся на грани потери когда-то свободомыслящей страны.

Осознанное формирование иной, прежде нетипичной для рецепции Реформации, идентичности не остаётся незамеченным для современников. 300-летие 95 тезисов ознаменовалось спорами вокруг истинного посыла праздника, уверениями в его неутраченной духовности и критикой со стороны лиц, оказавшихся вытесненными из новой, набирающей силы, коллективной идентичности. И хотя многообразии юбилейных текстов 1817 г. не позволяет назвать национальный посыл доминантным, он заметно укрепляет свои позиции. Таким образом, бесплотная «Германия» обретает в лице М. Лютера надежного союзника, которому будет суждено представлять её ценности ещё долгие годы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Briefwechsel zwischen Goethe und Knebel (1774–1832). Bd. 1. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1851. 412 p.
2. Репина, Л.П. Историческая память и нарративы национальной идентичности: «практика истории на службе памяти» // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 11–36.
3. Berger, S. The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800. Oxford: Berghahn Books, 1997. 307 p.
4. Dann, O. Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990. München: C.H. Beck, 1993. 362 p.

5. *Ростиславлева, Н.В.* Проблема «историк и политика» в творчестве Ф.К. Дальмана (1785–1860) // Новая и новейшая история. 2008. № 1. С. 137–151.
6. *Krüger, R.* Biedermeier: eine Lebenshaltung zwischen 1815 und 1848. Leipzig: Koehler & Amelang, 1979. 238 p.
7. Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815–1848 / hrsg. von H. Ottomeyer. München: Hugendubel, 1987. 768 p.
8. *Заиченко, О.В.* Борьба с “Римом” — I. “Германский миф” как инструмент конструирования немецкой идентичности // Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. С. 318–357.
9. *Meding, W.* Jubel ohne Glauben? Das Reformationsjubiläum 1817 in Württemberg // Zeitschrift für Kirchengeschichte Stuttgart. 1982. Bd. 93 (1). P. 119–160.
10. *Wendebourg, D.* Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag // Zeitschrift für Theologie und Kirche. 2011. Bd. 108 (3). P. 270–335.
11. *Lexutt, A.* Kernobst auf dem Markt der Möglichkeiten. Das Reformatorische in den Herausforderungen des langen 19. Jahrhunderts // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart / hrsg. von U. Niedersen. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. P. 186–196.
12. *Ассман, Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
13. *Малинова, О.Ю.* Коммеморация исторических событий как инструмент символической политики: возможности сравнительного анализа // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2017. №. 4 (87). С. 6–22.
14. *Гутнер, Г.Б.* Национальный нарратив и национальная ответственность // Этическая мысль. 2017. Т. 17. №. 1. С. 94–109.
15. *Schreiber, C., Veillodter, V.K., Hennings, W.* Allgemeine Chronik der dritten Jubel-Feier der deutschen evangelischen Kirche im Jahre 1817: Nebst einigen Nachrichten von dieser Feier in auswärtigen Ländern. Bd. 1. Erfurt, Gotha: Henningssche Buchhandlung, 1819. 580 p.
16. *Michahelles, K.F.* Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind. Nürnberg: Monath und Kußler, 1820. 88 p.
17. *Kieser, D.G.* Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Nach Actenstücken und Augenzeugnissen: nebst einer Apologie der akademischen Freiheit und 15 Beilagen. Jena: F. Frommann, 1818. 146 p.
18. *Wolgast, E.* Das Wartburgfest 1817 Reformationsgedenken und Protest gegen das Wiener System // Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart / hrsg. von U. Niedersen. Berlin: Duncker & Humblot, 2018. P. 272–280.
19. *Lönnecker, H.* „So weit die deutsche Zunge klingt...“ Burschenschaft und deutsche Sprache 1815–1935 // Burschenschaftliche Blätter. 2004. Bd. 120 (1). P. 4–13.
20. *Fries, J.F.* Reformationsfeier auf der Wartburg // Bremer Zeitung. 1817. No. 305/306.
21. *Ascher, S.* Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde. Berlin: Achenwall, 1815. 70 p.
22. *Ascher, S.* Die Wartburgs-Feier. Mit Hinsicht auf Deutschlands religiöse und politische Stimmung. Leipzig: Achenwall, 1818. 54 p.

23. *Becker, G.W.* Luther und seine Zeitgenossen: oder Ursachen, Zweck und Folgen der Reformation. Leipzig: W. Engelmann, 1817. 280 p.
24. *Moser, A.* Luther oder die Reformationsgeschichte. Leipzig: Kollmann, 1817. 193 p.
25. *Effner, A.T.* Dr. Martin Luther und seine Zeitgenossen: dargestellt in einer Reihe charakterisirender Züge und Anekdoten: zur würdigen Feyer des III-ten Jahrhunderts der Reformation. Bd.1. Augsburg: Bäumer, 1817. 344 p.
26. *Keyser, G.H.* Wie feyern wir Luthern und die Reformation am Stiftungstage der letztern am Würdigsten? Augsburg: Bäumer, 1817. 34 p.
27. Die Feier des driehundertjährigen Jubelfestes der Reformation in der vereinigt-evangelischen Kirche zu Mainz. Mainz: Th. v. Zabern, 1817. 32 p.
28. *Paulus, H.E.* G. Die Heidelberger akademische Secularfeier der Reformation: Auch zu Heidelberg war Doctor Martin Luther. Heidelberg: A. Oswald, 1817. 116 p.
29. *Veillodter, V.K.* Erinnerungen an die zweite Jubelfeier der Reformation im Jahre 1717: hrsg. bei der Annäherung des dritten Secularfestes. Nürnberg: Riegel und Wießner, 1817. 35 p.
30. Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832. Bd. 6. Berlin: Duncker und Humblot, 1834. 480 p.

REFERENCES

1. *Briefwechsel zwischen Goethe und Knebel (1774-1832)*. Leipzig, F.A. Brockhaus, 1851, vol. 1, 412 p.
2. Repina, L.P. Istoricheskaya pamyat i narrativy nacionalnoj identichnosti: praktika istorii na sluzhbe pamyati [Historical Memory and National Narratives of Identity: The Practice of History in the Service of Memory]. In: *Proshloe dlya nastoyashhego: istoriya-pamyat i narrativy nacionalnoj identichnosti* [The Past for the Present: History/Memory and Narratives of National Identities]. Moscow, Akvilon, 2020, pp. 11–36. (in Russ.)
3. Berger, S. *The Search for Normality: National Identity and Historical Consciousness in Germany since 1800*. Oxford, Berghahn Books, 1997, 307 p.
4. Dann, O. *Nation und Nationalismus in Deutschland, 1770–1990*. München, C.H. Beck, 1993, 362 p.
5. Rostislavleva, N.V. Problema “istorik i politika” v tvorchestve F.K. Dalmana (1785–1860) [The Problem “A Historian and a Policy” in Creativity of F.K. Dahlmann (1785–1860)], *Novaya i novejschaya istoriya* = Modern and Contemporary History, 2008, No. 1, pp. 137–151. (in Russ.)
6. Krüger, R. *Biedermeier: eine Lebenshaltung zwischen 1815 und 1848*. Leipzig, Koehler & Amelang, 1979, 238 p.
7. *Biedermeiers Glück und Ende. Die gestörte Idylle 1815–1848*, ed. by H. Ottomeyer. Munich, Hugendubel, 1987, 768 p.
8. Zaichenko, O.V. Borba s “Rimom” — I. “Germanskij mif” kak instrument konstruirovaniya nemeckoj identichnosti [The Fight Against “Rome” — I. “The German Myth” as a Tool for Constructing German Identity]. In: *Proshloe dlya nastoyashhego: istoriya-pamyat i narrativy nacionalnoj identichnosti* [The Past for the Present: History/Memory and Narratives of National Identities]. Moscow, Akvilon, 2020, pp. 318–357. (in Russ.)
9. Meding, W. Jubel ohne Glauben? Das Reformationsjubiläum 1817 in Württemberg, *Zeitschrift für Kirchengeschichte Stuttgart*, 1982, vol. 93 (1), pp. 119–160.

10. Wendebourg, D. Die Reformationsjubiläen des 19. Jahrhunderts: Bernd Moeller zum 80. Geburtstag, *Zeitschrift für Theologie und Kirche*, 2011, vol. 108 (3), pp. 270–335.
11. Lexutt, A. Kernobst auf dem Markt der Möglichkeiten. Das Reformatorische in den Herausforderungen des langen 19. Jahrhunderts. *Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart*, ed. by U. Niedersen. Berlin, Duncker & Humblot, 2018, pp. 186–196.
12. Assman, Ya. *Kulturnaya pamyat. Pismo, pamyat o proshlom i politicheskaya identichnost v vysokih kulturah drevnosti* [Cultural Memory. Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kultury, 2004, 368 p. (in Russ.)
13. Malinova, O.Yu. Kommemoraciya istoricheskikh sobytij kak instrument simvolicheskoy politiki: vozmozhnosti sravnitel'nogo analiza [Commemoration of Historical Events as Instrument of Symbolic Policy: Possibilities of Comparative Analysis], *Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki "Politiya. Analiz. Xronika. Prognoz"* = Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics «Politiya. Analysis. Chronicle. Forecast», 2017, No. 4 (87), pp. 6–22. (in Russ.)
14. Gutner, G.B. Nacionalnyj narrativ i nacionalnaya otvetstvennost [National Narrative and National Responsibility], *Eticheskaya mysl* = Ethical Thought, 2017, vol. 17, No. 1, pp. 94–109. (in Russ.)
15. Schreiber, C., Veilodter, V.K., Hennings, W. *Allgemeine Chronik der dritten Jubel-Feier der deutschen evangelischen Kirche im Jahre 1817: Nebst einigen Nachrichten von dieser Feier in auswärtigen Ländern*. Erfurt, Gotha, Henningssche Buchhandlung, 1819, vol. 1, 580 p.
16. Michahelles, K.F. *Literatur der dritten Reformations-Säkularfeier: oder möglichst vollständiges Verzeichniß aller der Schriften welche in näherer oder entfernterer Beziehung auf das im Jahr 1817 gefeierte dritte Reformations-Jubelfest erschienen sind*. Nürnberg, Monath und Kußler, 1820, 88 p.
17. Kieser, D.G. *Das Wartburgfest am 18. October 1817 in seiner Entstehung, Ausführung und Folgen. Nach Actenstücken und Augenzeugnissen: nebst einer Apologie der akademischen Freiheit und 15 Beilagen*. Jena, F. Frommann, 1818, 146 p.
18. Wolgast, E. Das Wartburgfest 1817 Reformationsgedenken und Protest gegen das Wiener System. *Reformation in Kirche und Staat: von den Anfängen bis zur Gegenwart*, ed. by U. Niedersen. Berlin, Duncker & Humblot, 2018, pp. 272–280.
19. Lönnecker, H. „So weit die deutsche Zunge klingt...“ Burschenschaft und deutsche Sprache 1815–1935, *Burschenschaftliche Blätter*, 2004, vol. 120 (1), pp. 4–13.
20. Fries, J.F. Reformationsfeier auf der Wartburg, *Bremer Zeitung*, 1817, No. 305/306.
21. Ascher, S. *Die Germanomanie. Skizze zu einem Zeitgemälde*. Berlin, Achenwall, 1815, 70 p.
22. Ascher, S. *Die Wartburgs-Feier. Mit Hinsicht auf Deutschlands religiöse und politische Stimmung*. Leipzig, Achenwall, 1818, 54 p.
23. Becker, G.W. *Luther und seine Zeitgenossen: oder Ursachen, Zweck und Folgen der Reformation*. Leipzig, W. Engelmann, 1817, 280 p.
24. Moser, A. *Luther oder die Reformationsgeschichte*. Leipzig, Kollmann, 1817, 193 p.
25. Effner, A.T. *Dr. Martin Luther und seine Zeitgenossen: dargestellt in einer Reihe charakterisirender Züge und Anekdoten: zur würdigen Feyer des III-ten Jahrhunderts der Reformation*. Augsburg, Bäumer, 1817, vol. 1, 344 p.
26. Keyser, G.H. *Wie feyern wir Luthern und die Reformation am Stiftungstage der letztern am Würdigsten?* Augsburg, Bäumer, 1817, 34 p.
27. *Die Feier des driehundertjährigen Jubelfestes der Reformation in der vereinig- evangelischen Kirche zu Mainz*. Mainz, Th. v. Zabern, 1817, 32 p.

28. Paulus, H.E.G. *Die Heidelberger akademische Secularfeier der Reformation: Auch zu Heidelberg war Doctor Martin Luther*. Heidelberg, A. Oswald, 1817, 116 p.
29. Veillodter, V.K. *Erinnerungen an die zweite Jubelfeier der Reformation im Jahre 1717: hrsg. bei der Annäherung des dritten Secularfestes*. Nürnberg, Riegel und Wießner, 1817, 35 p.
30. *Briefwechsel zwischen Goethe und Zelter in den Jahren 1796 bis 1832*. Berlin, Duncker und Humblot, 1834, vol. 6, 480 p.

Мойса Анна Александровна, аспирант, кафедра всеобщей истории, Российский государственный гуманитарный университет, mojsa.an@yandex.ru

Anna A. Moisa, Postgraduate Student, General History Department, Russian State University for the Humanities, mojsa.an@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 01.03.2023. Принята к публикации 31.03.2023

The paper was submitted 01.03.2023. Accepted for publication 31.03.2023